

Человек и культура

Правильная ссылка на статью:

Дубовиков А.М., Лепешкина Л.Ю. Духовно-нравственные качества уральских казаков в семейно-брачных отношениях (XVIII – начало XX вв.) // Человек и культура. 2024. № 2. DOI: 10.25136/2409-8744.2024.2.70152
EDN: FGWFBC URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70152

Духовно-нравственные качества уральских казаков в семейно-брачных отношениях (XVIII – начало XX вв.)

Дубовиков Александр Маратович

ORCID: 0000-0002-9995-8328

доктор исторических наук

профессор, кафедра «Социальные технологии и гуманитарные науки», Поволжский государственный университет сервиса

445017, Россия, Самарская область, г. Тольятти, ул. Гагарина, 4, каб. Э-310

✉ alex.dubovikov@yandex.ru

Лепешкина Лариса Юрьевна

ORCID: 0000-0001-8989-5987

кандидат исторических наук

доцент кафедры "Социальные технологии и гуманитарные науки", Поволжский государственный университет сервиса

445017, Россия, Самарская область, г. Тольятти, ул. Гагарина, 4, каб. Э-310

✉ lara_yura@list.ru

[Статья из рубрики "Историческая культурология и история культуры"](#)

DOI:

10.25136/2409-8744.2024.2.70152

EDN:

FGWFBC

Дата направления статьи в редакцию:

17-03-2024

Аннотация: Предмет исследования – духовно-нравственные качества уральских казаков, наиболее ярко проявляющиеся в семейно-брачных отношениях. На основе анализа семейно-брачных традиций уральского казачества удастся сконструировать образ казака-воина, готового отчаянно защищать свою Родину. Выбор хронологических

рамок исследования – XVIII – начало XX вв. – обусловлен насыщенностью событиями данного исторического периода, влиявшими на духовно-нравственный мир уральских казаков. Изучение исторических аспектов развития народных традиций приобретает особую актуальность в условиях современного мировоззренческого кризиса. Для подготовки статьи преимущественно привлекались архивные материалы и разнообразная краеведческая литература (работы И.И. Железнова, Н.А. Бородина, В.Н. Витевского, В.Г. Короленко, А.В. Гнеденко и др.). В методологическом плане статья опирается на культурологический подход, который позволяет понять причины устойчивости казачьих традиций на протяжении веков. Новизна исследования состоит в том, что впервые духовно-нравственные качества уральских казаков, проявляющиеся в семейно-бытовой сфере, рассматриваются как индикатор отношения уральцев к военной службе. В повседневной культуре уральского казачества в XVIII – начале XX вв. под влиянием исторических факторов ценными стали такие человеческие качества, как ответственность, уважение старших, свободолюбие, коллективизм, домовитость, избегание порочащих честь сексуальных контактов. Значимость этих качеств не утрачена до сих пор, что подтверждается Указами Президента РФ в 2021, 2022 и 2023 гг. Потребность общества и государства в настоящих героях, каковыми считались уральские казаки, становится особенно острой при возрастании национальных угроз. Делается вывод о роли духовно-нравственных качеств уральских казаков в сохранении их уникальной культуры.

Ключевые слова:

уральские казаки, повседневная культура, семейно-брачные отношения, семья, традиция, духовно-нравственные качества, ценности, самобытность, военная служба, Родина

Введение

Актуальность исследования духовно-нравственных качеств уральских казаков, их ценностей и традиций в XVIII – начале XX вв. обусловлена процессами глобальной культурной унификации. В последнее время многие государства встревожены стремительным ростом глобализации и трансформацией под её влиянием национальных культур. Особенно острой и противоречивой в этой ситуации становится положение малых народов и отдельных субкультур, чей голос трудно распознаваем в мировом плавильном котле культур.

Традиционные, устоявшиеся, порой устаревшие культурные ценности вытесняются альтернативными формами культуры. Поиск этих форм непрерывен и вполне естественен. Однако очевидно и то, что он может вести к разрушению традиций, преемственности поколений, отсутствию потребности в духовном совершенствовании человека и общества. Поэтому не случайно в современной России на государственном уровне активно обсуждается проблема сохранения традиционных духовно-нравственных и семейных ценностей, что нашло отражение в Указах Президента РФ от 2021, 2022 и 2023 гг. (См.: Указы Президента Российской Федерации о Стратегии национальной безопасности Российской Федерации 02.07.2021 г. № 400; об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей от 09.11.2022 г. № 809; «О проведении в Российской Федерации Года семьи» от 22.11.2023 № 875). Ресурсы для решения подобной проблемы можно найти только в историческом прошлом, в тех культурных традициях, из которых

черпаются знания и духовные силы.

Ярким примером почитания своих духовно-нравственных и семейных ценностей, а также бережного отношения к традиционной культуре можно считать Уральское казачье войско, история которого привлекает пристальное внимание учёных с XVIII в.

Тем не менее, невзирая на интерес к истории казачества, в отечественной и зарубежной историографии остается проблематичным выделить фундаментальные исследования, посвященные изучению духовно-нравственных качеств уральских казаков, столь необходимых в конструировании ценностного мира уральцев. Основной трудностью здесь является признание того, что уральские казаки создали свою синтетическую и одновременно уникальную культуру, способную к самоорганизации в кризисные периоды исторического развития России. Эта культурологическая точка зрения пока ещё не получила широкого распространения в науке. Преимущественно рассмотрение повседневной культуры уральского казачества осуществлялось в этнографическом ключе и зачастую было направлено на поиск необычных фактов в её истории. Вопросы, касающиеся системы ценностей и нравственных качеств казаков, изучались опосредованно, в контексте анализа казачьего быта и военной службы.

В целом неоспоримый вклад в исследование повседневной культуры уральского казачества внесли С. С. Судаков, Н. Ф. Савичев, И. И. Железнов, Н. Г. Мякушин, Б. А. и А. Б. Карповы, А. Д. Рябинин, Н. А. Бородин, В. Н. Витевский и др. Следует подчеркнуть, что работа А. Д. Рябинына «Уральское казачье войско» являлась первым научным трудом, где были систематизированы все накопленные к 1866 году сведения об уральском казачестве. Вышедшая примерно 30 годами позже книга Н. А. Бородина с аналогичным названием, по признанию самого автора, была посвящена, прежде всего, экономике края. По сути, книга стала логическим продолжением трудов А. Д. Рябинына. В то же время Н. А. Бородин не ограничил свои интересы изучением социально-экономических вопросов. Его волновали все насущные проблемы, касающиеся жизни его земляков. Кроме того, именно Н. А. Бородин сделал многое для издания трудов уральского писателя и этнографа И. И. Железнова в 1888 и 1910 году.

Среди современных исследователей истории Уральского казачьего войска необходимо выделить таких специалистов, как Н. М. Щербанов, А. А. Чибилев, Н. Г. Чесноков, Е. И. Коротин, Н. В. Гурская, С. В. Колычев, С. В. Картагузов и О. Г. Мерзликина, обратившиеся в своих трудах к различным аспектам жизнедеятельности казаков.

Вместе с тем предлагаемую статью можно считать результатом кропотливой и продолжительной работы по сбору, систематизации и анализу разнообразных источников (архивных материалов, мемуаров, публикаций дореволюционного периода), помогающих познать духовно-нравственные качества уральских казаков, а не сосредотачиваться главным образом на исторических фактах в эволюции казачьей культуры. Более того, именно от развитости подобных качеств зависело восприятие казаками военной службы. Поэтому новизна нашего исследования состоит в том, что впервые духовно-нравственные качества уральских казаков, наиболее ярко проявляющиеся в семейно-бытовой сфере, рассматриваются как индикатор отношения уральцев к военной службе.

В основу методов исследования, используемых авторами статьи, положен принцип историзма, позволивший рассмотреть генезис и развитие культуры Уральского казачьего войска в тесной взаимосвязи с историей Российского государства. В методологическом плане статья опирается на культурологический подход, что придает ей новизну, исключая из числа работ чисто описательного характера. Благодаря подобному подходу

семейно-брачные традиции уральского казачества изучаются с точки зрения их аксиологического смысла, в качестве хранителей казачьих культурных ценностей, определявших духовно-нравственный мир их носителей.

Выбор хронологических рамок исследования – XVIII – начало XX вв. – обусловлен насыщенностью событиями данного исторического периода. Уральское казачье войско никогда не было равнодушным к государственным проблемам и, так или иначе, испытывало на себе последствия тех социокультурных изменений, которые переживала Российская империя. В таких переломных ситуациях как раз проявляются духовно-нравственные качества людей, формируемые изначально их семейным окружением.

Результаты исследования

Начиная с периода Античности понятие духовно-нравственных качеств человека получило разнообразное толкование. Их положительное проявление в социуме соотносилось с добродетелями (Платон, Аристотель, стоики), соответствием личности божьему промыслу в средние века, чисто человеческим в Новое время, должным (И. Кант) и т. д. Аксиологические теории XIX-XX вв. создали ещё более пёструю картину представлений о духовно-нравственных качествах человека, формируемых на основе доминирующих ценностей общества. В рамках данной статьи мы не будем вдаваться в их суть, поскольку это не является целью нашего исследования. Но обобщая накопленный опыт изучения таковых качеств различными исследователями, будем исходить из определения, что духовно-нравственные качества человека – это черты его характера, предопределяющие его поведение в социуме. Причём в этом обобщенном определении предусмотрена возможность как положительного, так и отрицательного проявления этих качеств. С другой стороны, когда в научных публикациях сравнивают духовно-нравственные качества с добродетелями, то принято о них говорить как об «устойчивых свойствах личности, которые связаны с высокоморальным отношением к людям и миру в целом, отражая ориентацию на высшие ценности» [\[12, с. 855\]](#).

Безусловно, в каждой национальной культуре или отдельной субкультуре могут быть свои требования к духовно-нравственным качествам личности, образцам её должного поведения, но часть из них базируется на универсальных общечеловеческих ценностях («не убий», «не укради», «не пожелай чужого» и др.). Эти ценности воплощают по К. Ясперсу основные категории «осевого времени», «которыми мы мыслим по сей день», заложившие фундамент для мировых религий и поныне влияющие на человеческую жизнь [\[21, с. 33\]](#). Российский специалист в области педагогики С. И. Маслов к ним относит «добро, долг, честность, справедливость, мир, милосердие, верность, свобода, благодарность» [\[9\]](#). Понимание названных ценностей среди уральских казаков имело свою специфику, что проявлялось через их нравственное поведение в семейно-бытовой сфере и в восприятии различных традиций.

Само понятие «традиция» предполагает наследование опыта, знаний, ценностей. Народные традиции, будучи вплетенными в повседневную жизнь, превращаются в устойчивые носители духовного начала, более сильные, чем религиозные идеи и догмы. Суть традиций выражается в их универсальной возможности удовлетворять человеческие потребности в предсказуемом бытии, формировать чувство уверенности в будущем.

Это уникальное свойство традиций обеспечивать светлое завтра было присуще старообрядческим принципам существования уральских казаков. С момента образования Уральской области вплоть до революции 1917 года и гражданской войны большинство

казацкого населения составляли старообрядцы. Если же отнести к ним и единоверцев (а формально это так), то можно считать, что Уральское войско было старообрядческим практически в полном составе. Соответственно старообрядческие ценности и традиции, как и прежде, оставались нравственными ориентирами для основной массы казачества.

В поисках причин живучести старообрядчества в Уральском войске можно обнаружить некую двойственность. С одной стороны, для многих старая вера была подтверждением права на привилегированное положение уральского казачества, отделявшем его от прочего населения, не только края, но и России в целом. В таком виде старая вера, по мнению казаков, является основой их претензий на особое отношение со стороны властей, на особый способ прохождения воинской службы, на сохранение особого уклада хозяйства и т. д. Следовательно, живучесть старой веры обусловлена вполне прагматичными мотивами. Как подчеркивал историк В. Н. Витевский, «раскол не есть дело фанатизма», а «оплот, ограждающий казаков от Москвы, от нововведений» [\[2, с. 386\]](#).

Некоторые дореволюционные авторы явно идеализировали уральскую общину. «Вся эта земля не знает ни частной собственности, ни даже русских общинных пределов. Все ее обитатели – как бы одна семья», – указывал писатель В. Г. Короленко [\[8, с. 10\]](#). Похоже, но с некоторой степенью критики, писал известный учёный-путешественник Г. Н. Потанин. «Во всем великорусском мире нет места, где сепаратизм между областью и остальным миром был глубже», – отмечал он, подразумевая под сепаратизмом не стремление к политической независимости, а стремление подчеркнуть свою особенность. «Ни в одной русской общине вы не встретите такой солидарности населения», – продолжал он. Про «всех членов общины» он пишет, что они «всеми фибрами своего тела срослись с организацией, в которой родились», а потому все они «если и уходят временно на действительную службу, то, в конце концов, все-таки возвращаются на родину и умирают непременно на родной земле». Приведя массу лестных слов, он всё же не мог обойтись без критики: «Уральцы – самые верные слуги старого порядка», а потому, «если бы не эти консервативные массы уральской общины, то строй показался бы постороннему наблюдателю идеалом, к которому следовало бы направить жизнь остальных русских общин» [\[16\]](#).

Очевидно, что именно приверженность уральских казаков старообрядчеству играла ключевую роль в их стремлении сохранить и показать свою самобытность во всех сферах – в быту, на военной службе, в отношении к дому и малой родине. Поэтому семейно-брачные отношения в среде уральских казаков насквозь пропитаны старообрядческим духом.

Характеризуя казачьи семейно-брачные традиции, И. И. Железнов отмечал: «Когда казаки только что зарождались – то было слишком давно, тогда они, известно, вели жизнь, большею частью, холостую и бездомную» [\[6, с. 198\]](#). Это было вполне закономерно. Вплоть до XVIII в. казачьи семьи не являлись моногамными, а браки ещё не были устойчивыми, хотя власть в семье безраздельно принадлежала мужу. Данные петровских переписей показали, что казаки обычно помнили нескольких предков по мужской линии, но не помнили по женской. Полуоседлая жизнь, сопряженная с постоянным риском и регулярными перемещениями, не позволяла казакам создавать традиционные для тогдашней России патриархальные многодетные семьи.

Но даже после того, как казаки окончательно перешли к оседлости, пережитки прежней эпохи всё ещё имели хождение. К началу 1903 года среди 67.178 уральских казаков,

являвшихся старообрядцами (не единоверцами), «не приемлющих брак» было 6.803, то есть, примерно десятая часть [\[11\]](#).

Можно отметить интересный факт, что до XIX в. браки у казаков заключались довольно поздно, как правило, уже в немолодом возрасте. Результаты переписи, проведённой накануне пугачёвщины, подтверждают это. В большинстве случаев разница между отцами и детьми была довольно внушительной; часто у пожилых отцов были малолетние дети. У 65-летнего старшины Василия Сумкина был 8-летний сын Андрей. У 67-летнего Мавлекея Ицмагулова были сыновья Беремалик и Ашря, 5-ти и 9-ти лет. Сыновьям 67-летнего Василия Хрущёва, Тимофею и Фёдору было соответственно 10 и 8 лет. Тимофей Кононов, 13-ти лет, был сыном 63-летнего кузнеца Степана Коконова. Два сына – Андрей и Семён, 12-ти и 15-ти лет – были у 64-летнего канонера Михайлы Ружейникова. У его ровесника, Петра Чернобровина, тоже канонера, сын Максим был чуть старше сыновей Ружейникова (16 лет). Отцу 6-летнего Андрея, Григорию Гутарёву, было 65. Приведённые примеры хотя и не являются наиболее типичными, но они были нередки. Если же брать основную массу казаков, то можно легко посчитать, что у абсолютного их большинства дети появлялись ближе к сорока годам или после сорока лет. Были, конечно, и другие примеры. Сыновьям братьев Алексея и Ивана Котельниковых (35 и 32 лет), Ивану и Петру, было 10 и 9 лет. Столько же (10 лет) было сыну 35-летнего канонера Сидора Черторогова, Михайле. Сыну 29-летнего старшины Нефёда Мостовщикова, Ивану, было 11 лет, а другому Ивану, сыну 23-летнего писаря Михайлы Михайлова – 4 года. Но всех оставили позади 20-летний писарь Михайло Назаров и 28-летний старшина Фёдор Бородин. У первого было два сына (Ефим и Пётр, двух и трёх лет), у второго – четыре (Павел, Фёдор, Михайло и Иван). Младшему из сыновей Фёдора был год, старшему – 12 лет. Но это были исключения [\[14, л. 6-15\]](#).

Необходимо указать, что ситуация с вступлением в брак и рождением детей в корне отличается от той, которая имела место в следующем столетии, когда браки заключались довольно рано, обычно ещё до ухода казака на внешнюю службу. Причину столь существенного различия, видимо, следует искать как в особенностях прохождения службы в разные периоды, так и в сохранении пережитков ранней казачьей истории, отголоски которой в XVIII в. ещё были слышны. Само деторождение тогда воспринималось как важнейший этап продолжения рода, при котором отпрыску казака должны быть переданы лучшие духовно-нравственные качества его родителя: доблесть, патриотизм, житейская мудрость, свободолюбие и ответственность перед Родиной.

В XIX в. ситуация изменилась: женились казаки обычно в 18-20 лет, причём часто выбор супруг определяли не они, а их родители. При этом патриархальный уклад жизни в Уральском казачьем войске формировался под влиянием старообрядческих традиций. Если казак не женился в молодом возрасте, то причина крылась либо в его физических или психических недостатках, либо в его склонности к «донжуанству», что встречало резкое осуждение земляков. «Не только в старину, но и теперь, по понятию уральцев, особенно уралок, тот казак, который не женился до 25-ти, а особенно до 30-ти лет, – отпетый казак, сданный от Бога на руки дьяволу казак, такому казаку не было и нет прозвища, кроме как забулдыга, шараматок, околотень, старое базло» – утверждал И. И. Железнов [\[6, с. 198-199\]](#). В утверждении писателя явственно обрисовываются те качества, которыми должен обладать молодой казак: физическое и психическое здоровье, целомудрие, уважение к мнению старших, прежде всего родителей. Ценность упомянутых качеств оказывалась важной не только для семейно-бытовой сферы, но и для военной службы. Нравственная чистота молодого казака свидетельствовала о его потенциале стать дисциплинированным и ответственным воином, который не уронит чести полка и не

пустится во все тяжкие.

Благодаря старообрядчеству сложились представления уральских казаков о крепкой семье. С XIX в. казачья семья превратилась в главный транслятор культурных традиций. В частности, свадебные обряды весьма показательны с точки зрения уважительного отношения уральцев к своим традициям.

Так, свадебные обычаи уральских казаков требовали взаимного одаривания женихом и невестой друг друга. Подарки выступали не только символом взаимоуважения представителей двух родов, но и гарантией заключения брачного союза. Жених перед венчанием должен был подарить невесте, а невеста жениху свадебную одежду: головные уборы, обувь, рубашку, штаны и платье [\[4, с. 177\]](#).

Преимущественно многие элементы свадебной одежды изготавливались девушками самостоятельно, чтобы продемонстрировать будущим супругам свои умения и серьёзность отношения к бракосочетанию. Так, молодая казачка Даша, героиня одной из книг И. И. Железнова, заранее готовясь к свадьбе, сама себе украшала некоторые элементы праздничной одежды: «Стала низать из жемчуга роскошную поднизь, которую она готовила для себя к девичнику» [\[6, с. 60\]](#).

Перед свадьбой также назначался день «запоя», когда жених и его родственники приходили в гости в дом невесты [\[6, с. 178\]](#). С того самого момента права жениха на просватанную девицу получали публичное признание. Несмотря на свою самобытность, «запой» символизировал первый этап узаконения отношений парня и девушки, требовал от них более целомудренного поведения и не допускал отказ от свадьбы. Нарушение договоренности о свадьбе могло обернуться позором для семей жениха и невесты. Поэтому период от «запоя» до свадьбы можно считать предварительным испытанием помолвленных парня и девушки на верность своему слову и ответственность.

Обязательным элементом предсвадебной обрядности был «девичник», в котором принимали участие подруги невесты [\[6, с. 178\]](#). Как известно, во многих культурах он символизировал прощание невесты с девичеством, свободой и беззаботностью. В то же время в нём присутствовал момент психологической напряжённости, связанный с обретением девушкой статуса молодой жены. Другой статус предполагал возрастание списка обязанностей, иное социальное окружение, которое могло по-разному воспринимать нового члена семьи. В этом контексте «девичник» – это воплощение женской солидарности по поводу оплакивания прежнего образа жизни.

Кроме девичников, накануне свадьбы проводились «вечёрки» или «посиденьки» [\[1, с. 38\]](#). «Вечёрка» продолжалась всю ночь, участие в ней принимали как жених, так и невеста, при этом на голове у последней красовался венок. На вечерки не допускались женатые казаки и «бабы» – замужние женщины. Популярностью на таких вечерках пользовались хорошо известные всем игры – в «верёвочку», в «соседа» и особенно в «кошар» [\[10\]](#).

Большинство молодёжных игр имело целью установление более тесных контактов с представителями противоположного пола [\[1, с. 38\]](#). В то же время подобным развлечениям молодёжи был присущ выраженный надындивидуальный характер, что предполагало сплочение участников игр, формирование у них чувства коллективизма, столь необходимого при встрече житейских радостей и невзгод. Например, в ходе игры в «соседей» всех делили на пары так, чтобы кто-то из числа играющих остался без пары.

Оставшемуся без пары предоставлялось право опроса играющих. Положительные или отрицательные ответы на вопрос «приятен или неприятен?» приводили к новому дроблению играющих молодых на пары. «Приятные» друг другу в конечном итоге оказывались под покрывалом больших платков и могли свободно целовать друг друга [\[1, с. 38\]](#).

Похожей игрой был «кошар». Суть его в следующем: парни и девушки садились на скамью друг против друга, затем каждый парень накрывал халатом себя и девушку напротив. «Посетитель, не принимающий участия в игре, будет стоять целый час и ... услышит только смех в одном кошере, тихий задушевный говор – в другом, да изредка резкий крик даст знать, что рука шалуна-парня забралась под чужой кошар. Но через несколько дней ...вы услышите о последствиях этой игры: Василий усватал Наталью, Пётр – Анну, Григорий – Марью», – так описал игру в «кошар» уральский современник [\[10\]](#). К такому же заключению пришёл и Н. А. Александров, описав игру в «соседей»: «Из-под платка, в большинстве случаев, выходят, со временем, жених и невеста» [\[1, с. 39\]](#). Прочие молодёжные игры, требовавшие «лакомствами угощать», «мост мостить», «гвозди ковать», «зеркалом быть», «цветы разносить» – также сводились к поцелуям [\[1, с. 39\]](#).

В описанных играх очевидны противоположные представления об отношениях между мужчиной и женщиной: то, что недопустимо совершать на публике, дозволяется делать «тайком», в игре. Игра всех примиряет, насмехается над общественной моралью, поэтому неслучайно игровые приёмы, используемые в народных гуляниях, карнавалах и театре, становятся излюбленным средством для выражения истинных чувств и снятия психологического напряжения, создаваемого социумом.

Несмотря на старообрядческую неприязнь ко всему, что было связано с играми в карты, подобные запреты нарушались сплошь и рядом. Популярной у молодёжи была и игра в «королевшу» [\[1, с. 38\]](#). Суть её заключалась в том, что девушка, вытянувшая карточную даму, становилась «королевой» и начинала править балом, оказывая решающую роль в дроблении присутствовавших по парам. В конечном итоге, игра в «королевшу» сводилась к поцелуям между парами. «Парочка» требовалась и для игры в «горелки» [\[6, с. 4\]](#). Информация о подобных играх позволила некоторым авторам прийти к заключению, что уральская казачья молодёжь отличалась крайней развращённостью, а потому уже с подростковых лет среди уральских казачек практически не встречалось девственниц [\[7: 20\]](#). Является ли это заблуждением или клеветой – не важно. Случаи внебрачных беременностей, венерических заболеваний или гулящих девиц были среди уральских казаков редчайшими исключениями. Молодёжные игры, как правило, не выходили за рамки дозволенного. Кстати сказать, игры, требующие от юноши проявить ловкость и смекалку, который затем будет награжден приятными моментами с представительницей противоположного пола, были распространены и у казахов [\[6, с. 25\]](#).

На этом основании можно заключить, что игры уральской казачьей молодёжи, хотя и отличались свободолобием, не нарушали патриархальные устои. Они проводились исключительно в молодёжной среде и не допускали посторонних лиц. Кроме того, сохранялась довольно чёткая установка молодых людей на соблюдение границ разумного, они серьёзно осознавали последствия того, что рождение внебрачных детей или приобретение венерических заболеваний могли обернуться для них позором.

На свадьбе при рассаживании гостей за стол соблюдался принцип половозрастной дифференциации, согласно которому старшему поколению отводились лучшие места. Это

служило верным признаком уважения к нему. Однако при свадебных обрядах, в отличие от поминальных, при определении мест за столом почти не соблюдался принцип конфессиональной дифференциации, а потому постепенная трансформация свадебных обрядов происходила быстрее, чем погребальных или поминальных обрядов.

Свадебные торжества продолжались от трёх дней до недели, при этом хозяева периодически выходили кататься на повозке, а сопровождающие их гости – верхом. В это время на шест поднималась полосатая юбка. Нередко гулянье «переходило в безобразную оргию» [\[6, с. 25\]](#), что свидетельствовало, с одной стороны, о свободолобии казаков, а с другой – об их стремлении к коллективизму при встрече семейных радостей.

Когда жених увозил невесту домой к себе, брат невесты (или, в случае его отсутствия, близкий родственник его заменяющий), бил по столу скалкой и требовал выкуп [\[6, с. 25\]](#). Получая мелочь, он требовал: ещё, ещё и ещё, пока не набиралось несколько рублей. Настоящий же выкуп, гораздо более крупный, («кладка») был уже заранее выплачен родителям невесты [\[3, с. 146\]](#).

Во время «гулянки» в доме жениха последний должен был высказать слова благодарности в адрес родителей невесты за хорошее воспитание дочери. После этого мать невесты вскакивала на скамейку, била посуду и кричала: «Двойню родила!», имея в виду жениха и невесту. После этого невеста, доселе не входившая в помещение, появлялась на пороге, после чего начиналась пляска с нарочито громким топотом [\[1, с. 40\]](#). Последним свадебным блюдом была куриная салма (лапша). В этом праздничном событии отчётливо проявляется потребность казаков быть частью большого коллектива, разделять с ним свои чувства и помыслы, смелые, экспрессивные, но настоящие. Впрочем, в любой традиционной культуре прослыть бирюком означало превратиться в изгоя, лишиться надежды на поддержку и помощь общины. Поэтому, как это ни парадоксально, коллективизм был залогом выживания для свободолобивого казака в его станице.

После переезда невесты в дом жениха, его друзья (или «любезные») приносили праздничный пирог с фруктами, украшенный косой из теста («красота», «краса» или «коса»), который выкупался и съедался подругами невесты, чтобы скорее расплести косу и выйти замуж. Иногда имели место и случаи переезда невесты в дом жениха ещё до свадьбы. Так, к герою И. И. Железнова – Василию Струняшеву – в его новый дом, где он жил с тёткой и братом Иваном, переехала его невеста Даша, ранее потерявшая родителей и проживавшая у родственников [\[6, с. 41\]](#).

В XVIII и начале XIX в. были распространены случаи, когда во время венчания в единоверческих церквях невесты скрывали лица под покрывалом [\[6, с. 124\]](#).

Приведённые примеры из свадебной обрядности уральских казаков свидетельствуют о сдержанном, даже скромном поведении невесты, в отличие от остальных участников свадьбы. Она всем своим видом должна была воплощать нравственную чистоту, как бы противопоставляя себя «развратному» и «порочному» миру. Невеста принимала участие лишь в тех обрядах, которые были связаны с её переходом из статуса девицы в статус жены. При этом образ замужней казачки принципиально разнился с образом невесты. Будучи замужем, женщина демонстрировала хозяйственность, свободолобие, гордость и вместе с тем превращалась в хранительницу традиций. Зачастую именно на неё возлагались заботы о благополучии семьи в отсутствие мужа. Казачке с детства прививали понимание того, что она станет главой дома, будет нести ответственность не

только за порядок в хозяйстве, но и станичную мораль [\[5, с. 93\]](#).

Как правило, казачьи семьи были многодетны, рождаемость у казаков была выше, чем у казахов и иногородних. Например, в 1913 году уровень рождаемости у жителей войсковой территории составил 3,4%, а у жителей казахской степи лишь 1,5% [\[13, с. 5\]](#). Не только у уральцев, но и у казаков других регионов России естественный прирост населения часто был выше, чем у крестьян [\[18, с. 110\]](#). Очевидно, что способность к деторождению стала ценностью в казачьей среде начиная с XIX в. Если в XVIII в., как уже отмечалось ранее, казак предпочитал браку свободу и обзаводился детьми достаточно поздно, то в последующее столетие дети являлись залогом прочности семейных уз. И чем больше рождалось детей в казачьей семье, тем сильнее осознавал казак свою ответственность перед домочадцами и Родиной.

К браку казаки относились со всей серьёзностью: именно этим можно объяснить тот факт, что из 2142 больных сифилисом, зарегистрированных в Уральской области на 1903 год, казаков практически не было [\[11, с. 27\]](#). Показателен и другой пример: в годы Первой мировой войны казак пятого уральского полка Иван Колесников готовился предстать перед трибуналом за избиение поручика Ножкина в результате конфликта из-за женщины. Свидетелей не было, и обвинение строилось исключительно на показаниях поручика, однако следователь встал на защиту казака, так как, по его мнению, уральский казак-старообрядец не способен на прелюбодеяние в принципе [\[19\]](#). Пожалуй, следователь несколько перегнул палку – супружеские измены в казачьей среде иногда случались, и тому имеются сохранившиеся свидетельства. Например: «Отказавшегося молиться по новоисправленным книгам атамана Илецкого городка Серебрякова отрешили, а так как оказалось, что он имеет любовницу, то его предали суду» [\[17\]](#). В то же время не стоит переоценивать такого рода явления – у уральцев они случались не чаще, чем у других категорий населения.

Как ни странно, но, по мнению И. И. Железнова, по части супружеской неверности, женщины не уступали мужчинам, но сталкиваясь с опасностью разоблачения, они были гораздо более искусными по части обмана супругов. Зачастую они ссылались на проделки нечистой силы («шутов» и т. п.) [\[6, с. 20\]](#). Несмотря на то, что в быту казак порой позволял себе дисциплинарные проступки, на службе они случались нечасто. Генерал К. П. Кауфман объяснял это «домовитостью, нередко удерживающей его от всего, что может повредить» его скорейшему возвращению к семье [\[15, с. 182\]](#). Следовательно, ответственное служение Отечеству и соблюдение воинского устава находились в прямой зависимости от отношения уральских казаков к своим семьям и родному дому.

Выводы

Как известно, в народных традициях живет историческая память, связывая между собой различные поколения. Они помогают их носителям преодолевать жизненные невзгоды и находить ресурсы для поддержания своей культурной самобытности. В семейно-брачных отношениях среди уральских казаков в наибольшей степени ценились такие духовно-нравственные качества личности, как ответственность, уважение старших, свободолюбие, коллективизм, домовитость, избегание порочащих честь сексуальных контактов. Эта система качеств разделялась и мужчинами, и женщинами, а также имела тесную связь с представлениями казаков о военной службе. Чем нравственнее был казак дома, тем преданнее, как считалось, он служил своему Отечеству. Безусловно,

данное суждение весьма субъективно, но исторические примеры об общественном контроле над поведением казаков свидетельствуют о нетерпимости военного командования и гражданского населения к аморальным поступкам. В коллективном сознании на протяжении XVIII – начала XX вв. складывался образ казака-воина – героического, ответственного, честного, верующего в Бога, преданного военной службе и семье. Причём главным его достоинством была способность оставаться самим собой, жить «по зову своего сердца», что обеспечивало самобытность культуры уральского казачества. Любые предпосылки для разрушения этого образа вызывали негодование в казачьей среде, потому что, во-первых, он формировался постепенно, из поколения в поколение, а, во-вторых, в нём воплотились общенародные мечты о настоящем герое, готовом отчаянно защищать свою Родину. Потребность в таком герое становится особенно острой при возрастании национальных угроз, при поиске духовной связи со своим народом, с его прошлым и будущим.

Библиография

1. Александров Н. А. Казаки: донцы и уральцы. М., 1899.
2. Витевский В. Н. Раскол в Уральском войске и отношение к нему духовной и военногражданской власти в XVIII и XIX в. Казань, 1878.
3. Гнеденко А. В. За други своя или все о казачестве. М., 1993.
4. Данилевский К. В., Рудницкий Е. В. Урало-Каспийский край. Историко-краеведческий очерк земель бывшего казачьего войска и киргизской степи. Уральск, 1927.
5. Егорова Ю. В. Бытовая сторона жизни уральской казачки (нравственный уклад, семейные отношения, традиции, уклад жизни и другие составляющие) // Вестник ОГУ. 2012. № 4 (140) / апрель. С. 90-94.
6. Железнов И. И. Василий Струняшев: роман из казачьей жизни. СПб., 1910.
7. Конюченко А. И. Основные факторы формирования религиозного мировоззрения оренбургского и уральского казачества // Оренбургское казачье войско: религиозно-нравственная культура. Сборник научных трудов. Челябинск, 2001. С. 56-72.
8. Короленко В. Г. У казаков // Русское богатство. 1901. №№ 10-12.
9. Маслов С. И. Нравственные ценности в учебном процессе начальной школы // Проблемы становления и развития ценностных ориентаций учителя на рубеже 21 века : тезисы докладов международной научно-практической конференции. Тула, 1997. С. 149-151.
10. Н-нъ. Заметки о народном быте и одежде уральских казаков // Уральские войсковые ведомости. 1867. № 5.
11. Обзор Уральской области за 1902 год. Уральск, 1903. Ведомость № 9.
12. Ожиганова Г. В. Ценностно-смысловые составляющие морального компонента духовных способностей: исследование взаимосвязи на выборке российской студенческой молодежи // Вестник РУДН. Сер. Психология и педагогика. 2021. № 4. С. 854-874. <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2021-18-4-854-874>
13. Памятная книжка и адрес-календарь Уральской области на 1915 год. Уральск, 1915.
14. РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 635. Оп. 1. Д. 1.
15. Сапунов Д. А. Участие казачества Урала и Сибири в присоединении Средней Азии к России (40-е – 90-е гг. XIX в.). Челябинск, 2001.
16. Уральские войсковые ведомости. 1875. № 8.
17. Уральские войсковые ведомости. 1880. № 43.
18. Футорянский Л. И. Казачество в период буржуазно-демократических революций в России. М., 1973.
19. Чеботарев В. А. Прав ли был следователь? // Казачий вестник. 1991. № 5. С. 12-16.

20. Шиперович М. В. Медицинская помощь в Уральской области // Вестник Европы. 1895. № 4. С. 753-769.

21. Ясперс К. Смысл и назначение истории: сборник: пер. с нем.; вступ. ст. П. П. Гайденко, с. 5-26; коммент. В. Н. Катасонова. 2-е изд. М., 1994.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В журнал «Человек и культура» автор представил свою статью «Духовно-нравственные качества уральских казаков в семейно-брачных отношениях (XVIII – начало XX вв.)», в которой проведено исследование семейных ценностей уральского казачества и их влияния на формирование почтительного отношения казаков к воинской службе.

Автор исходит в изучении данного вопроса из того, что в семейно-брачных отношениях среди уральских казаков в наибольшей степени ценились такие духовно-нравственные качества личности, как ответственность, уважение старших, свободолюбие, коллективизм, домовитость, избегание порочащих честь сексуальных контактов. Эта система качеств разделялась и мужчинами, и женщинами, а также имела тесную связь с представлениями казаков о военной службе. Чем нравственнее был казак дома, тем преданнее, как считалось, он служил своему Отечеству.

Актуальность исследования духовно-нравственных качеств уральских казаков, их ценностей и традиций в XVIII – начале XX веков обусловлена современными острыми социально-политическими процессами. В последнее время многие государства встревожены стремительным ростом глобализации и трансформацией под её влиянием национальных культур. Особенно острой и противоречивой в этой ситуации становится положение малых народов и отдельных субкультур, чей голос трудно распознаваем в мировом плавильном котле культур. Научную новизну исследования составляет рассмотрение духовно-нравственных качеств уральских казаков, наиболее ярко проявляющихся в семейно-бытовой сфере, в качестве индикатора отношения уральцев к военной службе.

Цель исследования заключается в проведении культурологического анализа духовных и семейных ценностей уральских казаков как механизма формирования нравственно цельной личности. Предметом исследования является Уральское казачье войско как яркий пример почитания своих духовно-нравственных и семейных ценностей, а также бережного отношения к традиционной культуре.

Теоретическим обоснованием послужили как философские (К. Ясперс), так и исторические и этнографические труды (Короленко В.Г., Конюченко А.И., Витевский В.Н. и др.).

В основу методов исследования, используемых автором статьи, положен принцип историзма, позволивший рассмотреть генезис и развитие культуры Уральского казачьего войска в тесной взаимосвязи с историей Российского государства. В методологическом плане статья опирается на культурологический подход, что придает ей новизну, исключая из числа работ чисто описательного характера. Благодаря подобному подходу семейно-брачные традиции уральского казачества изучаются с точки зрения их аксиологического смысла, в качестве хранителей казачьих культурных ценностей, определявших духовно-нравственный мир их носителей.

На основе детального анализа научной обоснованности изучаемой проблематики автор делает заключение о широком научном дискурсе, посвященном культуре казачества. По мнению автора, рассмотрение повседневной культуры уральского казачества

осуществлялось в этнографическом ключе и зачастую было направлено на поиск необычных фактов в её истории. Вопросы, касающиеся системы ценностей и нравственных качеств казаков, изучались опосредованно, в контексте анализа казачьего быта и военной службы.

Автор определяет религиозный фактор одним из решающих в формировании нравственного облика уральского казака. Преобладающей религией в указанный исторических период было распространено старообрядчество, для которого характерным являлось почитание семьи, малой Родины, военной службы, поощрение многодетности. Семья и община у старообрядческого казачества являлись ядром существования, транслятором культурных традиций. В качестве примера автором приведено детальное описание свадебных традиций уральских казаков.

В заключении автором представлен вывод по проведенному исследованию, в котором приведены все ключевые положения изложенного материала.

Представляется, что автор в своем материале затронул актуальные и интересные для современного социогуманитарного знания вопросы, избрав для анализа тему, рассмотрение которой в научно-исследовательском дискурсе повлечет определенные изменения в сложившихся подходах и направлениях анализа проблемы, затрагиваемой в представленной статье.

Полученные результаты позволяют утверждать, что изучение отдельной этнической группы, традиций обычаев и объектов нематериального культурного наследия, формирующих ее культурную идентичность, представляет несомненный теоретический и практический культурологический интерес и может служить источником дальнейших исследований.

Представленный в работе материал имеет четкую, логически выстроенную структуру, способствующую более полноценному усвоению материала. Этому способствует и адекватный выбор методологической базы. Библиографический список исследования состоит из 21 источника, что представляется достаточным для обобщения и анализа научного дискурса.

Автор выполнил поставленную цель, получил определенные научные результаты, позволившие обобщить материал, показал глубокое знание изучаемой проблематики. Следует констатировать: статья может представлять интерес для читателей и заслуживает того, чтобы претендовать на опубликование в авторитетном научном издании.